

Суверенитет в контексте соотношения
«публичного» и «частного»

Ю.А. Красин, доктор философских наук

Доклад о суверенитете, представленный на обсуждение, отличается фундаментальностью и неординарностью. Таковы два качества, которые, как мне кажется, определяют его позитивную оценку. Заходит ли речь об изначальном смысле «суверенитета» или о толковании этого понятия в свете современных реальностей, автор высказывает весьма оригинальные соображения, которые заставляют задуматься и, в конечном счете, способствуют обогащению нашего понимания этой важной темы политической науки.

Остановлюсь только на одном сюжете методологического порядка, который мне в наибольшей степени импонирует в докладе. Автор проводит четкое и, с моей точки зрения, правильное и принципиально значимое различие между правовым и политическим подходом к суверенитету. Действительно, часто споры вокруг понятия суверенитета ведутся из-за того, что абстракция правовой нормы смешивается с политической проблемой реализации властных полномочий и возможностей в тех или иных реальных условиях. Полнота и нераздельность власти как правовое содержание суверенитета в реальном социуме всегда наталкиваются на определенные политические ограничения, вытекающие из динамики соотношения общественных сил. Правовое содержание этого понятия фиксирует некую идеальную норму, которая в «realpolitik» претерпевает

различного рода метаморфозы и никогда в полной мере не реализуема. Для того чтобы сказать, как это происходит, нужен конкретный анализ конкретной исторической ситуации.

Кстати, за этим двойственным подходом к суверенитету стоит и более общая проблема диалектики политики и права, между которыми неизбежно возникают противоречия. Право закрепляет общие «правила игры», которые отражают устоявшийся баланс общественных интересов. Но в процессе исторического развития этот баланс меняется, и реальные политические отношения втискиваются в прокрустово ложе правового консерватизма. Возникшее противоречие сначала находит выражение в правосознании. Все большее число граждан воспринимают устаревшие правовые нормы как несправедливые. Прессинг на юридически оформленные «правила игры» нарастает, порождая потребность в их изменении. По сути дела, в этом противоречии политики и права — источник развития правовых систем.

Теперь перейду к некоторым замечаниям. Мне кажется весьма сомнительным использование понятия «собственность» для характеристики власти и суверенитета. Можно, конечно, говорить о «политической собственности» при образном описании властных отношений. Но это мало что дает для содержательного анализа категорий политики. Автор утверждает, что для политика суверенитет — это *«постоянно переделываемая политическая собственность»*. Но и без этой терминологической новации — по-моему, довольно искусственной — мы хорошо знаем, что в обществе, где существуют противостоящие социальные образования (классы, сословия, партии), идет перманентная борьба за власть. Политической наукой разработан соответствующий понятийный аппарат — субъекты и агенты власти, разделение властей, распределение власти, властные полномочия и т. д. Введение в научный оборот понятия «политическая собственность» не дает никакого приращения знаний и ничем не усиливает политический анализ. Оно может лишь внести путаницу, затушевывая принци-

пиальное различие между экономикой и политикой, между обладанием собственностью и обладанием властью.

Путаницы можно избежать, если поставить понятия «власть» и «суверенитет» в более общий контекст социально-философских категорий «частного» (*private*) и «публичного» (*public*). В сущности эти две сферы (частная и публичная) охватывают всю общественную жизнь. На протяжении всей истории они взаимодействуют и модифицируются, приобретая на каждом этапе свою *differentia specifica*, характеризующую весь способ жизнедеятельности данного общества. Так вот, по крайней мере с момента социально-классового структурирования общества, понятие «собственность» ассоциировалось с частной сферой, и именно «частная собственность» составляла и составляет базисную основу этой сферы. Правда, современные процессы *обобществления производства* (национального и глобального), масштабы распространения *всеобщего труда* и наметившийся переход к *инновационному типу развития* бросают вызов такому положению дел. Но это особый вопрос, требующий специального обсуждения, и я не буду сейчас на нем останавливаться.

Итак, собственность в основном относится к частной сфере. Что же касается государственной власти, то она олицетворяет *публичное начало* общественной жизни. Конечно, государство существует не в пустом пространстве, а в гуще разнообразных и разновекторных частных интересов, безусловно, оказывающих воздействие на формирование публичной политики. Очевидно, что наиболее сильные группы интересов доминируют в этом процессе. И все же публичная политика — при всех ее «частных флюсах» — не может не представлять публичного интереса, даже тогда, когда эта представительская функция в той или иной степени имитируется. Собственно сама имитация такого рода означает, что господствующая группа частных интересов может оказывать доминирующее влияние на публичную политику только в том случае, если позиционирует себя в качестве публичного интереса.

Почему так происходит? Потому что, в конечном счете, смысл и историческое оправдание государственной власти, а значит и публичной политики, в выражении публичного интереса. Государство призвано быть носителем публичного интереса, потому что оно вырастает из потребности аккумулировать многообразие частных интересов, сублимировать их в публичную политику интегрированного социума, функционирующего не как конгломерат частных сегментов, а как целостный общественный организм.

Следовательно, власть и суверенитет — в отличие от собственности — относятся по преимуществу к публичной сфере. Я говорю «по преимуществу» только потому, что между частной и публичной сферами нет непроходимой грани. Скорее они представляют собой своего рода сообщающиеся сосуды. Это взаимопроникновение усложняет картину, но не меняет сути дела.

Из всего сказанного следует, что, казалось бы, невинная игра с понятием «политическая собственность» — не такое уж безобидное занятие. Оно, как мне кажется, чревато опасностью серьезных методологических и политических заблуждений. Во всяком случае, стоило бы основательно поразмышлять над этим вопросом под углом зрения соотношения частных и публичных начал в общественно-политической жизни.

Другое критическое замечание по докладу касается федерализма. Хотя базовое образование у меня философское, но по роду занятий я, все-таки, скорее социолог и политолог. В этом качестве смысл научного исследования для меня — это анализ социальной реальности и теоретическое осмысление данных этого анализа. Я, безусловно, понимаю, что существует еще очень важный сегмент исследования — философский анализ категорий социальной науки, выявление внутренней логики их взаимодействия в рамках системного мышления. Философский подход к понятийному материалу науки способен обогатить анализ действительности, дать ему новые повороты, открыть новые измерения. Но диалектика понятий не может порывать

со своей первоосновой и источником содержательного наполнения — анализом конкретной исторической ситуации; иначе она превращается в некую «игру ума», не имеющую никакого отношения к реальным общественным процессам.

Мне представляется, что в своих рассуждениях о российском федерализме автор не избежал этой интеллектуальной ловушки. Где он увидел «расцвет федерализма» в нынешней России? Для социолога, изучающего российские реалии, такой вывод неприемлем, потому что расходится с действительностью. О каком расцвете федерализма можно говорить в сегодняшней России, да и в России вообще? Вспоминается шутка относительно изобретательства в нашей стране: что бы ни изобретали российские умельцы, все равно получается автомат Калашникова. Так и здесь, какие бы проекты федерального строительства ни внедрялись, все равно в российской государственной практике весьма зримо торчат уши хорошо нам знакомой унитарной тенденции. Именно эта тенденция, если и не расцветает, то, во всяком случае, заметно усиливается.

В Горбачев-Фонде был выполнен исследовательский проект по бюджетному федерализму. На большом фактическом материале было показано, что бюджетные возможности субъектов Российской Федерации неуклонно урезаются. Субъектам Федерации законодательно предоставлены большие права и полномочия. Пожалуйста, пользуйтесь! А финансовых ресурсов для этого нет. Все прибирает к рукам федеральный Центр. Унитарные практики превалируют не только в бюджетном, но и в политическом федерализме. Демократические механизмы взаимодействия Центра и регионов, необходимые для реального федерализма, либо очень слабы, либо вообще отсутствуют. Вот такая пародия на «расцвет федерализма».

И вопрос этот не так прост, как может показаться на первый взгляд. Российскому федерализму присуще внутреннее противоречие. Тяга к унитарному устройству для России не случайна, она имеет весомые причины, связанные с гигантскими масштабами территории и социокультурным

многообразием страны. Как только контроль Центра над обширной периферией ослабевает, тотчас же возникают отнюдь не ростки демократического федерализма, а сильные сепаратистские тенденции. Вспомним «парад суверенитетов» в 1990-е гг. Смягчение унитарной вертикали федерального устройства России, какими бы благими либеральными и демократическими намерениями оно ни оправдывалось, оборачивается у нас сепаратизмом, чреватым распадом страны. Так что прямолинейное движение в этом направлении способно привести к тем самым печальным результатам, которые предрекает Збигнев Бжезинский, прогнозируя образование на обширных российских просторах нескольких самостоятельных государств. Для того чтобы противостоять такому пагубному курсу развития, стратегия федерализма в России не может проводиться прямолинейно («не поступимся принципами»), а должна быть органично вписана в общую систему координат демократической трансформации (продолжительной и противоречивой) российского общества. Огорчительно для поборников «расцвета федерализма», но другие стратегии вряд ли приведут к намеченной цели.

В заключение — об одном заранее оговоренном автором ограничителе рассматриваемой тематики. Докладчик с самого начала предупреждает, что характеризуя «идею суверенитета в позднесоветском и постсоветском контексте», он не будет касаться проблем глобализации. Мне это ограничение кажется очень странным. Это все равно что рассматривать перемещение тел в пространстве, отвлекаясь от теории относительности и квантовой механики, или трактовать эволюцию живой природы, оставляя за скобками открытия генетики. Ведь все современные модификации идеи суверенитета, начиная с «теории ограниченного суверенитета» и кончая концепцией «приоритета свободы личности над государственным суверенитетом», происходят главным образом под давлением глобализации и ее последствий на процессы национального и мирового развития.